

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

XXXIII

А. Н. ГАРКАВЕЦ¹
(Алматы)

ИССЫКСКАЯ НАДПИСЬ. НОВЫЙ ВАРИАНТ ПРОЧТЕНИЯ

Ключевые слова: Древнетюркская руника, Иссыкская надпись, сакская принцесса

Аннотация

Новое чтение рунической надписи на серебряной чашке из Иссыкского кургана основано на тщательном анализе письменных, графических и случайных штрихов. Случайные риски нанесены в разное время и поэтому их нельзя сопоставлять. Графика выполнена дважды и поцарапана острым объектом. Написанные знаки наносятся закругленным краем ножа применительно к изгибу дна, нажимая вдоль дна от себя до края чаши. Углы и зигзаги часто округлены. Многие насечки делаются в несколько приемов и часто повторно. Порядок письма - справа налево. Первая линия нанесена по краю чаши, а затем посередине, в направлении к месту, где была прикреплена отсутствующая ручка. Текст не поврежден из-за коррозии. Слева от средней линии есть несколько параллельных тестовых рисок разной высоты, и не на одной линии.

Знаки этой надписи в основном идентичны древнетюркской письменности. По содержанию это мемориальная фраза, и ее запись была сделана на чашке умершего при погребении.

---

¹ Александр Николаевич Гаркавец - доктор филологических наук, главный научный сотрудник Казахского научно-исследовательского института культуры Министерства культуры и спорта Республики Казахстан

Alexander N. Garkavets – Dr. Sci. (Philology), Chief Scientist, Kazakh Research Institute of Culture under the Ministry of Culture and Sports of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan). E-mail: qypchaq@gmail.com

Текст: **Qiz-er, ičiŋ, oqu-sünügü čezib, / köčü aŋsağ.**

Перевод: «Дева-герой, выпей, когда мы, отторочив стрелы и копыя, будем поминать кочёвку».

Issyq Inscription. New Version of Reading

Key words: *Old Turkic Runes, Issyq Inscription, Princesse of Saqs.*

Summary

The new reading of the runic inscription on the silver cup from the Issyk Barrow is based on a thorough analysis of written, graphic and random strokes. Random risks are inflicted at very different times and are therefore not wiped out in equal measure. The graphics are executed twice and scratched with a sharp object.

Written signs are applied at one time with a rounded edge of the knife by pressing along the arc from itself to the edge of the bowl. Angles and zigzags are often rounded. Many strokes are made in several receptions and often repeatedly. The order of the letter is from right to left. First, a line is written at the edge of the bowl, then in the middle, both in the direction to the place where the fallen handle was attached. The text takes place, not damaged by corrosion. To the left of the middle line there are several parallel test risks of different heights and not on the same line.

The characters of this inscription are basically identical to the ancient Turkic writing. In content this is a memorial phrase, and its recording was made on the cup of the deceased at the burial.

The text: **Qiz-er, ičiŋ, oqu-sünügü čezib, / köčü aŋsağ.**

The translation: «*Virgo hero, drink, when we, having untied arrows and spears, / will commemorate the migration*».

Редколлегия «Эпиграфики Востока» уже публиковала в 2015 г² вариант прочтения надписи на одном из наиболее таинственных артефактов древних кочевников евроазиатского пояса степей – серебряной чашечке из кургана Иссык с погребением царственной персоны в золотом убранстве и датированным IV в. до н.э.

Следует отметить, однако, что, несмотря на попытки прочтения надписи авторитетными учеными, тюркологами и иранистами в России и за рубежом, предложенные варианты не признаются достаточно удовлетворительными и вызывают критику специалистов. Тем не менее, интерес к надписи заставляет ученых вновь и вновь обращаться к таинственному тексту и предпринимать попытки прочесть его и

² Г а с а н о в , З . Г . Иссыкская посвятельная надпись // ЭВ. Т. XXXI. С. 34-59

атрибутировать саму письменность. Не поддерживая любые, предложенные до настоящего момента варианты прочтения и выражая сомнение по поводу возможности хронологически использовать для прочтения надписи древнетюркские руны, отделяемые от чашечки почти тысячелетием, Редколлегия, все же, считает гипотезу, выдвинутую А.Н. Гаркавцем, новой и заслуживающей пристального внимания специалистов интерпретацией текста, основанной на тщательном визуальном изучении оригинала, что позволяет продвинуться в исследовании исторически чрезвычайно важного письменного памятника. Материал впервые увидел свет в виде интервью А.Н. Гаркавца представителям СМИ, что объясняет соответствующий стиль публикации. Статья публикуется с разрешения автора.

Д. Д. Васильев

Когда раскопки дважды разграбленного кургана были уже практически закончены и бульдозеристы, огорченные неудачей, уже собирались уходить, неумный начальник отряда Бекен попросил не торопиться и пройти еще пару раз, сбоку. Случай или воля небес – вскрылось второе, боковое захоронение, как потом выяснилось, соперничающее с усыпальницей Тутанхамона. О находке тут же позвонили в Алма-Ату Кемалю Акишеву, руководителю экспедиции и автору подробного описания этого бокового захоронения³ на могильнике из 80 опустошенных курганов. Вскоре весть о сенсационной находке стала достоянием всей страны.

Габит Мусрепов, написавший сценарий исторического фильма «Кыз-Жибек», связался со съемочной группой и предложил использовать бутафорию с тюркской руникой. По книге Сергея Ефимовича Малова нанесли небольшую надпись на стелу. Украсили рунами посох старейшины. И даже первым кадром фильма пошло его название в рунах. К этому приложили руку редакторы фильма – молодые писатели Аскар Сулейменов и Олжас Сулейменов. По ходу дела Олжас попытался понять надпись на серебряной чаше размером 75-77×22 мм, воспользовавшись только что вышедшим «Древнетюркским словарем»⁴. И 31 октября 1970 года опубликовал свое прочтение в «Комсомольской правде» и местных газетах: **«Сын хана в двадцать три (года) умер, имя и слава (народа) обратились в прах / иссякли».**

Сорок лет спустя Бекен – теперь уже маститый археолог-аксакал Бекмуханбет Нурмуханбетов, основатель Иссыкского музея, перекопавший тысячи тонн земли своим совочком, вспоминая эти события, подытожил: «Наконец мы поняли, что за человек был этот Алтын Адам. Он же воин!

³ Акишев К. *Курган Иссык*. М.: Искусство, 1978.

⁴ ДТС, Л., 1969.

Иссыкский воин! Царевич! А его головной убор – не остроконечная шапка саков-тиграхауда (букв.- «в остроконечных шапках») на скальной Бехистунской надписи Дария, а остроконечная корона. Царская. Значит, была уже государственность. Не случайно на нашем гербе крылатые тулпары-единороги с его короны. Он собрал нас в час независимости. Он по праву – наш символ». Что касается выражения «царская шапка», то, без сомнения, это – ссылка на персидское **шаh-i куле** 'шапка шаха' и одновременно – на общенациональный праздничный головной убор казахских невест и молодых, называемый **саукеле**. Эта высоченная конусообразная шапка в идеале столь же богато украшена и тоже красного, царского цвета. Подобный убор носят и кыргызки, называя его еще более созвучным словом **шөкүлө**. Принят он отчасти у каракалпаков, алтайцев и ближайших родственников и соседних народов. То есть именно там, где обитали загадочные саки-тиграхауда.

Не прошло много времени, как в сторону Олжаса понеслись письма от критиков, о чем он напомнил в эссе «Аз и Я»: «...авторы восприняли наше сообщение, прочтение и выводы как результат незнания «очевидных», «твердоустановленных» положений, как-то: орхоно-енисейское письмо возникло не раньше V-VI веков нашей эры на основе одного из позднейших иранских вариантов арамейского письма. Эта дата подтверждается незыблемыми в тюркологии авторитетами; следовательно, Иссыкскую надпись никак не можно относить к тюркским рунам, скорее всего чаша с надписью занесена из стран, применявших арамейское письмо, вероятно, из Ирана, и случайно попала среди утвари в курганное захоронение. Таким образом, содержание надписи не должно отражать ситуацию, т. е. не эпитафия. Следует ожидать, что надпись содержит ираноязычный или семитский текст».

Так и случилось. Венгерский лингвист Янош Харматта в 1999 году прочел ее по-ирански – на хотано-сакском диалекте:

**za/m/-ri ko-la/m/ mi/m/-vam-vam-va pa-zam pa-na de-ka mi/m/-ri-to
na-ka mi pa-zam vam-va va-za/m/-na vam**

«Чаша должна содержать виноградное вино, добавлена приготовленная пища, [пусть да] приумножится для смертного.

Затем туда добавлено приготовленное свежее масло»⁵.

Свои иранские чтения предложили Селахи Дикер и Эдуард Хуршудян, а Ф. Хамори прочел по-венгерски⁶.

⁵ Harmatta J. Languages and scripts of Graeco-Bactria and the Saka kingdoms // *History of civilizations of Central Asia. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250* / Ed. J. Harmatta. Co-ed. B. N. Puri, G. F. Etremadi: UNESCO Publishing, 1996: 411-412.

⁶ Г а с а н о в З. Г. Иссыкская посвяtitельная надпись // *Эпиграфика Востока, XXXI*. М.: 2015:

Сергей Рябчиков – на славянском:

p(i)-u-r-u v(e) n-r v(e) l-e-sh

s-e v(e)-e-r A-n-i p(e)-u-t n-b-e-u

«Сказочная лошадь, в ярости, стремление

Огонь, небесная тропа; поворачиваться, это пожар/верх; небо».

Игорь Сергеевич Кузнецов прочел эту эпитафию с помощью «велесовицы» и перевел так:

«И бых ище Арсатану Пещуру, хто весь зря узащан, т. е. и был еще Арсатан Прашур, кто весь зорко защищал».

Его подход поддержал Валерий Алексеевич Чудинов, а Галина Григорьевна Котова дала свою не менее изощренную интерпретацию:

Бох ищѣ Аксаухануу Пищу Сиуси Хух

ХаЗяин Ужащан

«Бох ещё Аксахану заботу сесь грохнул, хозяин ужаснулся» или

“Бох, ещё печась (об) Аксахане, (так) ныне грохнул, (что) хозяин ужаснулся».

Линию прочтений по-тюркски повёл наш крупный специалист в области руники Алтай Сарсенович Аманжолов⁷. Вот его чтение 1971 и следующих годов:

н ч т ч л н (л) (

т ч т ч л н т ч с а ч т х у

аҕа саҕа оҕуҕ = Аҕа, саҕа оҕуҕ!

bāz čök boqun ičr(?)ā uzuq ...i = Bez, cök! Boqun ičrā [r?] azuq! ...i

«Старший брат, тебе (этот) очаг.

Чужой, опустишь на колени! (Да будет) у поколения пища»

Вариант:

«Старший брат (это) очаг для вас!

Незнакомец, поклонись! Потомство [пусть имеет] еду!»

34-59. Обзор чтений 28 авторов на полудюжине языков: http://s155239215.onlinehome.us/turkic/30_Writing/CodexIssykInscriptionEn.htm.

⁷ Аманжолов А. С. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Ал-ма-Аты // Вестник АН Казахской ССР. 1971, 12 (320), С. 64-66; Аманжолов А. С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореферат докт. дисс. Алма-Ата, 1975; Аманжолов А. С. Генезис тюркского рунического алфавита. Алма-ты: Мектеп, 2003.

Чтение А. С. Аманжолова принял и несколько модифицировал Насимхон Рахмонов:

Azuq, ochuq at atsar, ash azaq,

Utashta qan asu

«Если пища и родина будут далеко,

друг останется внизу или Уташта хан станет хозяином».

Еще одно чтение предложено на сайте Рустама Абдубаитовича Абдуманапова «Центральноазиатский исторический сервер», читается справа налево сверху вниз и тоже в перевернутом графическом варианте:

нч ʌ ʋɹ ɳ(ɹ)(

ʋɹʌ ʌʌ ɳ ʋɹ ʌ ʋɹ ʋɹ

OĞA SeN ANg İÇ SaK

Söz eReNg öGüNç SƏS-üNİ eRİR ÜZƏ

«Сак, испей ты клятву во имя народа!

Слово донесет голос и славу восхваления эрена на небеса».

Вариант:

«Сак, испей ты клятву именем (своего) народа!

Слово (данное при клятве) вознесет голос и славу восхваления эрена на небеса».

Еще один вариант:

«Сак, поклянись именем своего народа!

Клятвенно данное слово возносит голос хвалы и славу эрена на небеса».

В литературе и в интернете имеется немало и других толкований, и все они оспариваются как неубедительные по причине бросающейся в глаза неестественности.

Мне чтение тоже не очень удавалось, пока не посчастливилось исследовать саму эту чашечку воочию, с лупой. Затем – по снимкам высокого разрешения, выполненным фотографом Национального музея РК Канатом Кудайбергеновичем Мусиным с моей помощью.

Скрупулезное исследование артефакта показало, что надпись наносилась не штихелем, а закруглённым концом лезвия стального ножа и не процарапывалась, а продавливалась, причем правой рукой и от себя, не в один прием и не вполне уверенно. Это видно по характеру бороздок, они извилисты и прерывисты. Вытесняемый металл сдвинут преимущественно влево и вперёд. Острые углы и зигзаги букв, типичные для надписей в виде насечек и резьбы, превратились в плавные дуги поворотов ножа. Еще одна важная

техническая деталь – неоднократные попытки нанести одни и те же элементы. Надпись производилась на месте захоронения, буквально на колене. Чашечка малюсенькая, а нож большой и работа мелкая. Строку приходится загибать, буквы прыгают, перекашиваются, промежутки становятся меньше, текст уплотняется. Из-за этого элементы символов зачастую дублируются. Да еще помимо воли возникают странные завитушки, словно неопытный гравёр делал это чуть ли не впервые в жизни. Многие из этого хорошо просматриваются на прорисовке Кемалю Акишеву 1978 года. Прорисовка уточнена нами в отношении не показанных ранее штрихов внизу и слева (верхний из двух элементов слева посередине А. С. Аманжолов принял за букву *i*), и первой буквы нижней строки, начертание которой, как я понимаю, содержит доработку и двойную правку. Правее нее на разном расстоянии друг от друга имеется еще несколько пробных вертикальных прямых коротких штрихов. Здесь изображение намеренно увеличено. Реальный размер показан шкалой в сантиметрах.

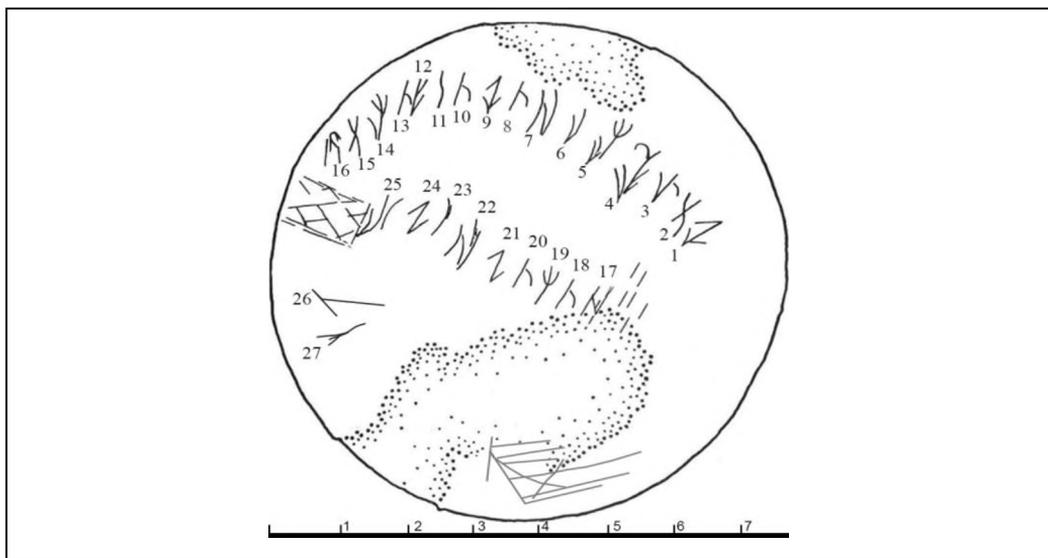

Рис. 1. Прорисовка надписи на чаше, выполненная Кемалем Акишевым (1978 г.), с уточнениями А. Гаркавца.

Геометрически правильный рисунок слева сверху имеет одно назначение. Это – намеренно процарапанное для лучшего сцепления место крепления отпавшей ручки, на что указывают следы окалины. Сама ручка для ношения чаши на поясе могла быть сделана из другого металла в виде перстня с плоской прямоугольной печаткой.

Царапины слева посередине и рисунок внизу образовались случайно в ходе пользования. Все их разной глубины тонкие черточки заметно залощены, одни больше, другие меньше, а значит - появились они не одновременно.

Рельеф надписи, напротив, однороден в целом и в частности и лишь в равной мере немного потёрт, вероятно, во время очистки.

Отбросив технические поправки и учтя перемены в написании символов к эпохе орхоно-енисейских рунических памятников, мы получили две довольно чёткие строки, идущие против часовой стрелки. Первая – ближе к краю чаши, вторая – по центру. Строки мы набрали внешне несколько отличающимися стандартными тюркскими руническими символами шрифта Öztürk, иногда зеркальными или перевернутыми, но авторские версии правой буквы нижней строки все-таки пришлось перерисовать.

Определившись с направлением письма, к нашему собственному удивлению, мы ясно прочли, как по учебнику, следующий древнетюркский текст, который как бы сам собою перевёлся на несколько избранных мной языков:

***Qız-er, için, oqu-sünügü çekiz,
köçü aᅇsağ***

То же самое казахской кириллицей:

***Қыз-ер, ісін, оқу-сүнүгү чезіб,
көчү аңсағ***

В переводе на украинский:

***«Дівчино-герою, випий, коли ми, відторочивши стріли-списи,
поминатимемо кочівлю»***

В переводе на русский:

***«Дева-герой, выпей, когда мы, отторочив стрелы и копья,
будем поминать кочёвку».***

И в переводе на казахский:

***«Қыз-ер, ішің, оқ-сүнүгү шешіп,
көшті аңсақ (еске түсірсек)».***

Перевод на татарский Ильнура Мидхатовича Миргалеева:
**«Кыз-ир, эчен, ук-сөңге чишен,
 күчне аңсак (аңга китерсек)».**

По своему строю это ритуальное обращение представляет собой лаконичное стихотворение из трёх ритмических групп в 2, 3 и 2 двухсложных стопы. Первый слог каждой стопы – короткий, второй – долгий, что-то вроде ямба античной силлабической метрики. В угоду ритму в слове **sünük** ‘копье, пика’, выступающем в винительном падеже, редуцирована группа **ünü**: **sünügü**.

Впечатляет изящество грамматики. В этой эмоционально прочувствованной и абсолютно выверенной по содержанию фразе, символизирующей высокую премудрость единства мира живых с миром усопших, каждая частица несёт максимальную смысловую нагрузку. Обращение кратко, без междометий и притяжательных формантов. Призыв к общению через совместное испытание освященного напитка передан не грубо-императивно вроде **ич** ‘пей’, а более интимно, как накоротке обращаются к кому-то одному в кругу присутствующих, выделяя его из многих: **ичиң** ‘выпей вот ты’.

Далее – мир живых. Они отягощены бременем оружия, постоянных войн и мирской суеты. Снова винительный падеж оформлен аффиксом, что придает оттенок определенности: **оку-сүнүгү** ‘вот эти стрелы и копья, о которых ты знаешь’. Не абстрактное **ок-сүнүк** ‘всякие стрелы и копья’, а конкретные тяготы собравшегося народа, который, освободившись от повседневных уз тривиальной жизни, может посвятить какое-то короткое время общению с дорогим человеком, безвременно покинувшим этот мир. И далее – ключевое слово **көч** «кочёвка», переход в другую область, а может – и в другой мир. Тоже в оформленном аффиксом винительном падеже. То есть не кочёвка вообще, а та конкретная перекочёвка, когда любимый человек покинул мир живых и перекочевал со своим скарбом в инобытие. Завершается поминальный стих утраченным многими современными тюркскими языками глаголом **аң-** «вспоминать, напоминать, поминать» в условной форме первого лица множественного числа, объединяющей мир живых в едином порыве вселенской скорби по усопшим.

Но поначалу на языке вертелся османский вариант с арабским союзом не из тенгрианской, а из совсем другой – исламской эпохи:

قز ار اچيڭ اوق و سونگو چزب
 کوچو آگساغ

В турецкой транскрипции:
***Kız-er, için, ok u süngü çekiz,
 köçü añağ.***

На современном турецком:
**«*Kız-er, için, ok ve süngü çözüb,
 göçü ansak*».**

С этой надписью перекликается поминальное выражение, услышанное мною от тюркоязычных греков-урумов Северного Приазовья на кыпчакском и на огузском наречиях:

Ичкенім сінсін – бойуна сінсін / Ичтігім сінсін – жанына дэгсін
«Пусть впитается моё питье – пусть (моё слово) достигнет его души».

Это древнее тюркское речение, пережившее тысячелетия, отражает изменение взгляда на загробный мир. Покойному уже не ставят в могилу продукты, посуду и вещи, которыми он пользовался. Плоть обратилась в прах. Поминающие обращаются к его бессмертной бесплотной душе, отделившейся от тела. В более древнем кыпчакском варианте ещё неразделимо – **бой** «тело; рост; сущность, душа», в огузском – **жан** «дух, душа», по-персидски.

Я счастлив, что надпись наконец прочлась, так легко и естественно. И лишь одна мысль не даёт мне покоя. Какая вдохновенная сила направляла руку автора надписи, чтобы он на оставленной для усопшего чаше выбрал именно эту часть, которая более чем за две тысячи лет не подверглась коррозии? Ведь вся остальная поверхность кесушки вокруг надписи изъедена до дыр, а изумительный по своей духовности и поэтической красоте стих совершенно не затронут, словно написан недавно. И вспоминаю, что и знаменитый кыпчакский письменный памятник «Кодекс Куманикус», невзрачный, написанный на бумаге, чуть ли не один-единственный уцелел – посреди кучи отсыревших, истлевших и превратившихся в кирпичи пергаментных фолиантов Петрарки в заброшенной на столетия кладовке. Поразительно! Как в этих строках из 90/91-го псалма Давида в кыпчакском переводе 1575 и 1580 годов:

***1Kim dä tınıptır boluşluxundan / 1Kim ki dä turuptur boluşluxuna
 Biyiktäğiniñ, kölegäsi tibinä Teñriniñ köktä tıngay... 7Tüşsün / Tüşkäylär
 yanıñdan seniñ miñlär da tümänlär oñuñdan / sayıñdan seniñ, ki saña nemä /
 çaysi ki saña heç nemä yovuxlanmagaylar***

¹ «Живущий с помощью / при поддержке Всевышнего под сенью Бога-Тенгри покоится... Пусть падёт рядом с тобою тысяча, и десять тысяч справа от тебя, но к тебе не приблизятся».

Поразительно и другое. Выходит, и в IV веке до нашей эры в Великой Степи, в том числе среди ираноязычных саков, тюркский был языком межнационального общения, а для большинства ее обитателей – и родным, как и во времена «Слова о полку Игореве», Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло!

И еще один вопрос. Его ставили многие с самого начала. Центральное, собственно царское, дважды ограбленное захоронение археологами не было инвентаризовано и не описано. А при усопшем, похороненном в боковом склепе, не было лука со стрелами, типичного для мужчины-воина, но была туалетная сумочка с зеркальцем и кусочком красной краски, да еще бусы: 14 бусин из бирюзы, остальные из пасты. Да и золотые бляшки не цельно золотые, а лишь обернуты золотой фольгой. Потому предполагалось, что это член семьи царя и не «алтын адам», а «алтын мадам». Надпись подтверждает второе. Кстати, кое-что подобное обнаружено в могильнике Акбейит неподалеку от Каркаралинска, где погребена 10-11 летняя сакская принцесса: при ней были золотые серьги с бирюзой и литая золотая гривна, а в ее «косметичке», обтянутой кожей, лежало похожее бронзовое зеркальце. Вспоминается и головной убор 40-45-летней сакской царицы из Урджарского района Восточно-Казахстанской области – он тоже представляет собой саукеле. Но оружия ни при той, ни при другой не обнаружено.

Если анализ ДНК покажет, что иссыкский скелет принадлежит все-таки юноше, а не девушке-батыру, то выходит, что надпись изначально была адресована некой иной тюркоязычной Томирис и что ритуальная чаша из ее могилы попала в иссыкское боковое захоронение уже, как бы, не по изначальному адресу. Тем более, что и золотые перстни, приплюснутые, дабы не сползали с тонких пальцев нашей загадочной усопшей, скорее всего, тоже были трофейными – с чужой, более крупной руки.

Рис. 2. Чаша из Исыкского кургана. Серебро. 75-77×22 мм. Национальный музей Республики Казахстан. Руническая надпись. Первая половина верхней строки и начало нижней⁸

⁸ Рис. 2-6 - фото Каната Кудайбергеновича Мусина (19.05.2016).

Рис. 3. Начало второй строки и царапины в нижней части.

Рис. 4. Концы строк и место крепления ручки для ношения на поясе

Рис. 5. Концы строк, место крепления ручки и буквообразные царапины ниже него.

Рис. 6. Конец второй строки, место крепления ручки и буквообразные царапины ниже него